

Невозвратимы утраты, понесенные нашей литературой В годы Великой Отечественной войны, Сколько прекрасных дарований — и уже широко известных, признанных миллионами читателей, и не успевших еще развернуться, проявить себя во всю силу потеряно ею! Среди тех, кому не суждено было перешагнуть через военное лихолетье, расправить орлиные крылья недюжинного таланта, и молодой поэт Василий Кубанев (1921—1942).

Родился он в 1921 году в селе Орехове Курской области крестьянской семье. Раннее детство поэта проходит в родной деревне. Затем семья переезжает в Воронежскую область. Но ни в одном городе надолго не задерживается. Лишь в Острогожске Кубаневы живут в течение нескольких лет. Отец работает счетоводом, мать домохозяйка. Вася учился в средней школе. Здесь он пробует свои силы в поэзии и журналистике, начинает печататься в районной газете и областных изданиях.

десятый класс Васе пришлось заканчивать в городе Мичуринске Тамбовской области, куда в 1937 году переезжают его родители. Вернувшись через год в Острогожск, семнадцатилетний В. Кубанев становится литературным сотрудником местной газеты. Непродолжительное время учителем в сельской школе. С конца 40 года снова работает в газете.

начале августа 1941 года добровольцем уходит в армию. Но через несколько месяцев возвращается тяжелобольным. А ранней весной 1942 года острогожцы проводили В. Кубанева в последний путь.

Биография поэта оборвалась в то время, когда она, в сущности, еще только начиналась. Но духовная жизнь его была столь интенсивной, работал он с таким напряжением моральных и физических / сил, что и за немногие годы им пройден сложный и самобытный *i* творческий путь. Необычайно рано осознавший свое предназначение, свой растущий талант, В. Кубанев успел познать и ни с чем не сравнимую радость творческих открытий, сопричастность «огромному общему» и в то же время испытать горечь первых разочарований, сомнений, неуверенности в себе, в своих замыслах. Словом, он жил, по его же словам, полной грудью, неуемно, жадно, взахлеб. Стремительно рос, менялся, неустанно пополняя себя и перерастая самого себя.

Василий Кубанев очень верно и точно сказал в одном из дневников о высокой миссии своего поколения, предчувствуя тогда уже близкие грозные события: «Много, невыносимо много надо сделать нам, поколению второго двадцатилетия XX века. На наших плечах возлежит история. Сколько выдержки и силы надо нам, чтобы не только удержать ее, не только не уронить, но и поднять еще *выше* — на плечи будущего поколения, которое будет и рослее и мощнее нее нас».

Никогда прежде разносторонний талант Кубанева, его высокие качества гражданина и патриота не раскрывались с такой силой, как в дни войны. Несмотря на самые настойчивые просьбы об отправке на фронт, Кубанева призывают в армию только через полтора месяца после начала войны. Те, кто был рядом с ним в эти дни, не могли не заметить происшедших в нем перемен. Всегда очень взыскательный к себе, деятельный, подвижный, теперь он работал с необычайным даже для него напряжением сил, стал более собранным, сосредоточенным.

ТЫ ДОЛЖЕН ПОМОГАТЬ

Ты тоже просился в битву, где песни поют пулеметы. Отец покачал головою:
«А с кем же останется мать?»

Теперь на нее ложатся
Все хлопоты и заботы.
Ты будешь ей опорой,
Ты должен ей помогать».

Ты носишь воду в ведрах,
Колешь дрова в сарае,
Сам за покупками ходишь,
Сам готовишь обед,
Сам починяешь радио,
Чтоб громче марши играло.
Чтоб лучше слышать, как бьются
Твой отец и сосед.

Ты им говорил на прощанье:
«Крепче деритесь с врагами!»
Ты прав. Они это знают.
Враги не имеют стыда.
Страны, словно подстилки,
Лежат у них под ногами.
Вытоптаны посевы,
Уведены стада.

Народы в тех странах бессильны,
Как птицы в железной клетке.
Дома развалены бомбами.
Люди под небом сидят.
Дети бегут к казармам
И выпрашивают объедки,
Если объедки останутся
В котелках у чужих солдат.

Все это видят люди.
Все это терпят люди.
Зверь пожирает живое,
Жаден, зубаст, жесток.
Но недолго разбойничать
Среди людей он будет:
Наши трубы пропели
Зверю последний срок!

Отец твой дерется с врагами
Тяжелая это работа.
Все люди встают, защищая
Страну, как родную мать.
У нее большие хлопоты,
Большие дела и заботы.
Ей будет трудно порою.
Ты должен ей помогать.

Июль 1941

Мы не одни

Берлинских бандитов берет зудеж:
<В России просторы — богаче не сыщешь!

Сразу— только на землю взойдешь—

В карманы сами полезут тыщи...»

Мы двинули силы к вражьему стану.

Мы стали стеной,

да не мы одни!

В забитых, закрытых фашистами странах

У нас легионы рабочей родни.

На черных дымных развалинах зданий,

Душой ненавидящей не хитря,

Люди

виселицу поставили

И надпись:

«Для Гитлера эта петля».

За нас голоса поднимают народы. Во всех краях,

Мы к ним придем и знамя свободы

Принесем им в своих руках.

Когда мы бились

вы были с нами,

Одними словами горели уста. Живите счастливо,

Вместе с нами встав. Ходите прямо, дышите легко. Все, сгибавшие спины
низко!

Это от Берлина до Москвы

далеко,

А от Москвы до Берлина

близко!

Июль 1941

Тихон Павлов

(1920-1980)

Родился в Воронеже. В 1943 году ушел на фронт, был дважды тяжело ранен. После окончания войны работал на Сахалине, на Урале, затем бригадиром слесарей на Воронежском шинном заводе. В 1979 году вышел его сборник «Стихи солдата». Это действительно стихи солдата — непритязательные, простые, порой элементарные, но весомые и честные, за которыми настоящая жизнь и непридуманные испытания.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Мы на снегу лежали в полумраке, к ладоням нашим приставал металл.

Команду «Приготовиться к атаке!»
из нас уже не каждый понимал.

Минут за двадцать до команды этой мы выдюжили адский шквал огня.
Казалось, рвали на куски планету и не увидеть нам начала дня.

Но встали мы. Над нами рассветало. Тела убитых пар струили ввысь... Не
одолев смертельную усталость, не все тогда в атаку поднялись.

Переправа

Когда снаряды небо гнули, прижав ко льду, прижав к воде, кто знает, сколько утонуло солдат, повозок, лошадей...

А было так.

На лед шагнули — и стала ночь светлым светла. Казалось, что огнем и гулом все уничтожено дотла.

Ползли упрямо на коленях, ползли по льду,
ползли вперед.

И были жуткими мгновенья, когда трещал под нами лед.

Но вот спасительная дамба укрыла нас, как отчий дом. И кто—то молвил:
—думал, амба!..

Ну, а теперь-то поживем!

Мне о встрече с мамой мечталось, я хотел у нее погостить.
Только боль свою и усталость не хотел бы ей принести.
Никого родней не бывало в жизни прожитой у меня. Я, израненный и
усталый, уцелел, чтоб ее обнять.
Я иду в дырявой шинели,
с забинтованной головой...
Неужели, о неужели
я вернулся с войны домой?

Виктор Поляков

(1921-1992)

Родился в городе Людиново. В мае 1942 года призван в железнодорожную милицию. Служил на военных и прифронтовых дорогах, участвовал в обороне Сталинграда. Автор трех книг стихов. Слово его живое, динамичное, меткое, по этим книгам видно, что в них созревала мастер, незаурядная и сложная личность поэта, распознающего душу времени, высокие заветы культуры.

Сочинение на вольную тему

Был этот парень
настолько стеснительным,
что подруге не смог он сказать «люблю».
И она никогда не узнала об этом.
В то последнее мирное лето
мы писали сочинение на вольную тему:
«Если завтра война...»
Я уже в школе считался поэтом
и написал о бойцах и трубах.
А он не умел писать сочинений,
двойку схватит, но бодрился: «Глупо!
Я же не Пушкин!»
А через год
на нескошенном выжженном поле он лежал, прикрывая отход
батальона. Последний патрон на себя не берег он, он его израсходовал на
врага.
Но этого уже никто не видел.
Был один свидетель — он тоже умер.
Это был перепуганный немец, который успел разрядить автомат ему в грудь,
когда тот посылал свой — последний — патрон.
И никто не узнал,
что в перепаханном танками окопе был моим другом зарыт медальон с
короткой запиской...
Хранит земля его сочинение на вольную тему. Молча хранит.
Такая выпала нам эпоха:
Ни слова — на ветер.
Молча *любить*.
Молча. Но до последнего вздоха.

1961

Реквием

Лежат они в степи привольной, лежат затерянно и просто — и отступавшие до Волги, и устоявшие у Бреста, еще не взявшие Берлина... О, Среднерусская равнина! Храни их в самой сердцевине, храни тревожно и ревниво! Но каждую весну в оврагах из-под земли выходят кости, как прошлого немые вести, — напомнить миру о врагах. О, говорливый и зеленый! Остались двадцать миллионов в твоих оврагах и лугах, лесах, полях, могилах братских, -
так помни о судьбе
солдатской
и помни о своих врагах!
В раздумьях о войне и мире мы понимаем в полной мере предназначенье человека... Текут задумчивые реки.

Склонились русские ракиты. Взметнулись русские ракеты.

1966

Анатолий Абрамов

Родился в 1917 году в станице Качалинской Волгоградской области. Окончил Саратовский пединститут и аспирантуру МГУ, доктор филологических наук, профессор Воронежского университета. Воевал на Карельском фронте, награжден орденами и медалями. Как сопротивление жестоким будням войны и разгулу смерти рождались его стихи, статьи и очерки о людях мужества и долга, о нетленных человеческих ценностях. И сейчас они сопровождают его нелегкие труды и заботы, являясь своеобразными прорывами всяческих блокад и невозможностей; в них откладываются результаты «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

ШЕЛТОЗЕРО, 1944

Вот здесь, в июне, на рассвете,
В дни наступленья, в том году
Шли в бой шелтозерские дети,
Чтоб отвести от нас беду.
Я видел вьтнутые ими
На вознесенском большаке

Противотанковые мины, А рядом трупы на песке...

И тут же
залитые кровью Живые

в рытвинах по грудь...

Нет, не свинцом, они любовью Бойцам прокладывали путь.
Потом я видел их в санбате — Культяпки рук и ног в
бинтах...

И пусть мне говорят:

мол, хватит,

Мы это знаем, мол, итак.

Я должен все переупрямить,
Все помнить, бывшее окрест.
Тот, кто зачеркивает память,
На будущее ставит крест.

1945

МАТЬ СОЛДАТА

К этому местечку через грязь, Через все ухабы и колдобины добиралась мать
- и добралась до сынка, что был солдатом Родины.

Мать слыхала, здесь они легли,

И, как молвят, здесь зарыли в поле их.

С той поры ни боль, ни скорбь земли

Всех горючих слез еще не пролили.

Вот она и выплечется здесь,

Утолит печали материнские...

А про то, что в ней и это есть — Свет души и силы исполинские,

Что она еще все дни в труде, Рук ее никто не видел сложенных?

Что об этом? Так оно везде, Где живут, как людям жить положено.

И когда назад она пошла,

Скорбью переполненная до сердца,

Знал я: дома ждут ее тепла

Правнуки, что на колени просятся.